

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

«Нармахнар» — играют не по-детски

*Революция пожирает своих детей
в новом спектакле Пермского театра кукол*

Юлия Баталина

Редкая театральная премьера в Перми порождала такие разнообразные ожидания, как первый спектакль нового художественного руководителя Пермского театра кукол. Необычность проекта интриговала, да и скепсиса было много — не столько по поводу постановки, сколько по поводу того, как Пермь примет такое новшество, как кукольный спектакль для взрослых.

Действительно, к такому в Перми не привыкли, аншлагов в театре нет. Но это говорит лишь о том, что новому художественному руководителю «кукол» Александру Янушкевичу предстоит непростой путь к поставленной цели — созданию театра для зрителей любого возраста, от нуля до плюс бесконечности. Судя по первой постановке, намерения у него вполне серьёзные.

Непривычность — главная черта спектакля под названием «Нармахнар», первой в России постановки пьесы украинского автора первой половины XX века Николая Кулиша «Народный Малахий». Думается, что название изменено с целью заинтриговать, поставить зрителя перед фактом, что ему предстоит лицезреть что-то оригинальное. Так оно и есть: и содержание, и оформление новой постановки радикально отличаются от всего, что было сделано в «куклах», да и в пермских театрах вообще. Поэтому тем, кто любит новое, спектакль понравился. Но создаётся впечатление, что режиссёрский замысел был всё же интереснее сценического воплощения, что по мере реализации своего проекта Янушкевич столкнулся с рядом проблем, которые так и не смог решить.

«Народный Малахий» — трагикомедия. Жанр благодатный, но непростой: сложно сделать так, чтобы зритель полтора часа смеялся, а потом вдруг понял, что случилась трагедия. Текст Николая Кулиша даёт массу возможностей повеселить зал: пьеса написана смачным украинским языком, персонажи — один гротескнее другого. Художник-поста-

новщик Татьяна Нерсисян очень верно подметила особенности этого текста: куклы у неё получились и смешными, и — где надо — трогательными, и, главное, условными, лишёнными человеческого правдоподобия и напоминающими газетные карикатуры, что важно для сюжета, в котором не последнюю роль играет газетная пропаганда.

Но этот бодрый креатив с ноткой сумасшедшности никнет в руках актёров, которые совершенно не готовы к такому типу юмора. Зал в полнейшей тишине вслушивается в реплики, которые, по идеи, должны вызывать взрывы хохота, — практически ни одна реплика не отыграна, как следовало бы. Отчасти это связано с тем, что неважная акустика, не всегда хорошая артикуляция и привычка артистов говорить «кукольными» голосами делают некоторые реплики неразборчивыми.

Простодушные сельские жители, заинтересованно обсуждающие технологию «хождения до ветру» замуровавшегося в подполе Малахия, должны вызывать у зрителя хотя бы улыбку. Но зритель смотрит с каменным лицом: он слишком много сил потратил на то, чтобы разобрать, о чём они вообще говорят.

Не адаптированные к ситуации зрительские уши с полчаса учатся воспринимать текст, и лишь потом происходит постепенное «вживление» зала в спектакль, которое завершается... примерно одновременно со спектаклем. Только поняли, в чём тут дело, — а вот уже и занавес.

Справедливости ради надо отметить, что постановщик сделал всё, чтобы облегчить зрителю понимание разы-



Куклы художника Татьяны Нерсисян напоминают газетные карикатуры

грывающейся драмы. Не случайно среди персонажей есть Революция — зубастое пучеглазое чучело кумачового цвета, извивающееся, как дракон, и разевающее пасть на всё живое. История ведь как раз о том, что революция, как в легендарной фразе, которую приписывают Жоржу Дантону, «пожирает своих детей»: сначала её невинной жертвой становится любимая курица-несушка, затем младшая дочь Любочка, а затем и сам Малахий Стаканчик.

С курицей в спектакле получилось внятнее всего. Именно она, истощно кудахтающая и разбрасывающая яйца, вызывает первый смех в зале, а затем и первое искреннее сочувствие — так уж Малахий страдает по ней, убиенной. Однако цель, которую ставили убийцы несчастной животинки, не достигнута: Малахия, который в революционном порыве бросается по инстанциям с проектом немедленной реформы человека, уже не остановить. Жертвы Революции не только невинны, но и напрасны.

Малахия Стаканчика играет живой актёр. Андрей Долгих, бывший «арлекиновец», явно наслаждается возможностью выйти на публику, не скрываясь

за куклой, и выкладывается по полной, убедительно играя благородное безумие «Дон Кихота XX века». Сравнение с «вечным» литературным образом не случайно: Малахий типологически — такой же «вечный» образ, одновременно психологически правдоподобный и обобщающе условный. Его безумие — «донкихотовское», «гамлетовское» и, несомненно, «лировское» (три дочери тут неспроста).

В этом «вечном» образе Николай Кулиш гениально показал, что виновник революционных драм и трагедий сам становится их жертвой. Знаменательно, что судьба автора пьесы сложилась так же, как и у его героя: став жертвой режима, он был репрессирован и погиб в 1937 году.

Внимательный зритель увидит эту трагическуюironию в пермском спектакле.

Сейчас, когда концепция «взрослого» кукольного театра Александра Янушкевича стала более-менее ясна, будет любопытно увидеть детский спектакль в постановке нового худрука театра кукол. Согласно обнародованным театром творческим планам, это будет «Кот в сапогах».



Огненная и зубастая Революция



...и несчастная курица — её жертва